

ВАСИЛИЙ МАСЮТИН. ДОРОГА ДОМОЙ

Все незаслуженно забытое рано или поздно возвращается. Высочайшая справедливость времени и искусства: подлинные таланты не исчезают.

Василий Масютин — выдающийся русский график XX века. Имя, хорошо известное в Старом свете, имя, которое еще должно обрести заслуженную славу и в России.

Василий Николаевич Масютин родился 29 января 1884 года в Риге. Отец готовил сына к военной карьере: десяти лет от роду мальчик был отправлен в киевский кадетский корпус. В сторону — обычные детские забавы и игры, и только одна, но зато какая — игра воображения — стала для него страстью. Первые сюжеты его рисунков — воины-варвары и валькирии. Таинственное и неземное влекло художника с ранних лет.

В 1906 году Масютин, уже офицер-артиллерист, предлагает свои рисунки в обитель символистов, журнал «Золотое руно», притягивая к себе удивленные взоры мирискусстнической элиты. В первом «врубелевском» номере (январь 1906 года) появились его виньетки и концовки к стихотворениям В. Брюсова, К. Бальмонта и А. Белого. На выставке раннего авангарда «Венок» (1907) его семь рисунков тушью и пером из серии «Грех» имели осязаемый резонанс. В этом же году подпоручик Масютин выходит в запас и всецело посвящает себя творчеству.

Богатый внутренний мир настоящего творца всегда ищет разнообразия. Офорт — следующая стадия в постижении изобразительного мира. К рисунку (самоценному и законченному) Масютин более не возвращался. Карандашный набросок стал для него лишь подспорьем офорту. В России начала 1900-х годов техника офорта была непопулярна, даже в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, куда он поступил в 1908 году, ему некому было помочь. Сведения об офорте он черпал в основном из немецких и французских источников. Масютин — первый, кто заставил общество воспринимать офорт и в целом гравюру всерьез.

Первая мировая война. Масютина, бывшего профессионального военного, призвали на службу. На фронте он увлекся фотографией: снимал жанровые сцены украинских селений, окопы, солдат. Трудно судить о художественной ценности его снимков, но об исторической — безусловно.

Вынужденное творческое «молчание» длиною три года (1914–1917). Но художник не может не размышлять о путях и целях графического искусства. В письмах тех лет к своим друзьям Масютин — и мыслитель, и исследователь, со своей твердой позицией мастера графики. Он может позволить себе и литературные опыты, которые позднее воплотятся в автобиографической прозе (романы «Дни творений» и «Der Doppelmensch») и в серии коротких рассказов на библейские темы.

Серия офортов «Семь смертных грехов» из 23 листов (1918) — новая трактовка темы, с которой художник начал свой путь в искусстве, — вершина «рус-

ского периода» В. Масютина. Пожалуй, впервые в русской графике так откровенно и смело художник «взялся» за человеческие пороки. В противовес прошлым опытам в этой серии намного больше трагизма и обреченности, усталости от катаклизмов и бед, испепеляющих душу художника.

Первая персональная выставка Масютина прошла в 1920 году в Гравюрном кабинете Румянцевского музея в Москве. К тому времени он уже два года преподавал во ВХУТЕМАСе и даже возглавлял графический факультет.

И все же Василий Масютин — «князь тьмы» русской графики — был обречен на эмиграцию. Нетрудно предположить, как он — дворянин и офицер — отнесся к октябрьским событиям. Он, конечно, не монархист, о его политических взглядах ничего не известно, но с позиций эстетических и гражданских он был не в состоянии принять новый порядок и так и не смог с ним примириться.

Годы эмиграции — годы сплошных преодолений — это и годы плодотворной работы. Берлинский корпус работ Масютина, который состоит из нескольких десятков иллюстрированных книг (среди них произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Гоголя и многих других). Масютин был востребован и в рекламе (он работал для компании Lufthansa и производителей оптики и часов), и в критике, регулярно помещая в журнале «Gebrauchsgraphik» статьи и обзоры о современной русской графике, феномене книжной иллюстрации, об истории гравюрных техник.

Художник пробовал свои силы и в кино, и в театре. Оформил ряд постановок своего друга, известного артиста и режиссера Михаила Чехова, сотрудничал с киностудией «UFA».

В середине 1930-х годов Масютин сблизился с украинскими эмигрантскими кругами (вероятно, сыграли свою роль украинские корни отца), увлекся украинской историей, создал скульптурные портреты Хмельницкого, Мазепы, Скоропадского и Петлюры; вошел в Ассоциацию независимых украинских художников и стал подписывать свои работы «Василь Масютин».

В июне 1945 года в Берлине Масютин был арестован советскими властями и обвинен в связях с украинскими националистами. Пятнадцать месяцев он провел в лагере Hohenschoenhausen. В 1946 году советская комендатура освободила художника из заключения. Он обрел свободу физическую, но не духовную. Несмотря на большой объем работ, ему беспокойно: то он собирался вернуться в Россию, то хотел уехать в Америку, а в 1951 году умерла любимая супруга и верный друг художника Валентина Масютина. К своему 70-летию (1954) он уже совершенно разбит и потерян, нет никакой надежды «восстановить в правах» свое доброе имя в истории культуры страны, к которой он принадлежал сизмальства.

Сохранился клочок бумажки с начертанной карандашом надписью в старорусской орфографии: «Кончаю с собой по своей доброй воле. В. Масютин». Мастера не стало 25 ноября 1955 года.

И все же Василий Николаевич сегодня возвращается к нам — происходит то, чего он страстно желал и к чему стремился. Художник выходит из длительного исторического «заточения». Сегодня мы испытываем радость от знакомства с мастером, переживаем таинство узнавания и познания самих себя через его искусство. Книги Масютина и книги о Масютине на наших полках, в наших руках — что может быть лучше для обретения казалось бы уже навсегда утраченной памяти о художнике.

Ильдар Галеев